

**«ОТПРАВЬТЕ НАС, БЕЖЕНЦЕВ, НА СВОИ РОДИМЫЕ МЕСТА...»:
БЕЖЕНЦЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ, НАЧАЛО 1920-х гг.
ДОКУМЕНТЫ ГАСО / Предисловие, подготовка
и комментарии Н. А. Михалева***

Несмотря на истекшие десятилетия с момента окончания I Мировой войны, одного из крупнейших международных конфликтов XX в., она до сих пор остается объектом пристального внимания со стороны многих отечественных и зарубежных исследователей. Отечественная историография I Мировой войны развивалась по следующим основным направлениям: военно-историческому, внешнеполитическому, истории социалистического движения, истории стран Запада во время войны. Еще одно направление концентрировалось на изучении экономических и социальных аспектов истории России в связи с ее участием в войне.¹ Однако, несмотря на несомненные достижения отечественной исторической науки, как справедливо отметил Г. З. Иоффе, «в изучении социально-экономических пертурбаций военных лет освещены еще не все грани такой проблемы, как... беженство».²

Между тем массовые перемещения населения превратились в отличительную черту российской истории периода I Мировой войны, приобрели такие масштабы и остроту, которые не обнаруживают своих аналогий в истории остальных воюющих держав. Согласно расчетам Е. З. Волкова, к июлю 1917 г. число беженцев, находившихся на территории Российской империи, достигло 7,4 млн чел. — цифры, которая, по словам автора, «может в большей мере считаться преуменьшенной, чем преувеличенной».³ П. Гетрелл добавляет этому показателю еще одно измерение, указывая, что количество беженцев накануне Октября 1917 г. превзошло численность промышленных рабочих, составлявшую около 3,5 млн чел.⁴ По всей видимости, не без вли-

яния военного опыта России понятие «беженец» начинает закрепляться и в международном праве.

Осенью 1915 г. военные неудачи русской армии вызвали массовый отток гражданского населения из приграничных губерний, придав «беженскому вопросу» статус дела «государственной важности», к которому было привлечено внимание как государственной власти, так и «образованного общества».⁵ Поэтому первые публикации, касающиеся проблемы беженства, появляются уже в 1915–1917 гг.⁶ Наряду с изданиями различных органов и организаций помощи беженцам, немалую часть публикаций составляли работы публицистического характера. Вопросы, связанные с перемещением беженцев, их расселением и оказанием им первой помощи, поднимались не только в центральных, но и в региональных изданиях. Это обстоятельство было обусловлено началом всероссийского сбора материалов для создания обобщающего труда по истории беженского движения, объявленного Татьянинским комитетом.⁷ По преимуществу это были материалы обследований положе-

⁵ Щепкин М. М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. М., 1916. С. 9.

⁶ См.: Беженцы и выселенцы. М., 1915; Капацкий К. Доклад об организации во Владимирской губернии дела помощи беженцам. Владимир, 1915; Спутник беженца: собр. практ. сведений и советов для беженцев. Пг., 1916; Список организаций, ведающих делом помощи беженцам. На 1 мая 1916. Вып. 1. Европейская Россия. М., 1916; Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1–2. М., 1916; Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916; Программа и техника регистрации беженцев в Томске. Томск, 1915; Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и адреса их / изд. Том. губернии отд-ния Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. Вып. 1, 2. Томск, 1916; Шведер Е. Беженцы: рассказы из великой войны. М., 1915; Португалов В. Работа общественных сил // Книга о войне. Пг., 1915. С. 160–176; Смирнов-Кутачевский А. М. Беженцы-галичане // Русская мысль. 1915. № 9. С. 125–139; Ксюнин А. Народ на войне. (Из записок военного корреспондента). Пг., 1916; Беженство и беженцы. Одесса, 1916; Рацкевич О. Г. Беженцы в Новороссийске. Новороссийск, 1916; Кустов П. И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в городе Москве. М., 1917; Кудринский Ф. Людские волны. Беженцы. Пг., 1917; Керстен Я. Литовские беженцы в Туле. Тула, 1917; и др.

⁷ См.: Собрание материалов по истории беженского движения // Изв. Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 9. С. 4–6; 1917. № 15. С. 10, 11; и др.

¹ См.: Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.

² Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопр. истории. 2001. № 9. С. 85.

³ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 72, 75.

⁴ См.: Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999. P. 3.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00151а

ния беженцев и описания ситуации, складывавшейся в регионах в связи с их прибытием. Как правило, данные публикации содержали также сведения о деятельности государственных, общественных и благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам. Работы этого периода содержат большой фактический материал, который до сегодняшнего времени представляет несомненный интерес для исследователей.

В советской историографии история России позднимперского периода рассматривалась главным образом в свете вызревания предпосылок победы революции в октябре 1917 г., а период I Мировой войны трактовался как время революционного кризиса, развитие которого привело сначала к Февральской, а затем и к Великой Октябрьской социалистической революции. Советские историки и экономисты, движимые задачей всесторонне осветить исторические предпосылки Октября, неизменно проявляли значительный интерес к вопросам социально-экономического положения страны в военные годы. Ими был «поднят» громадный архивный материал, тщательно конкретному историческому исследованию подверглась военная экономика российской промышленности, влияние войны на сельское хозяйство, деятельность монополий и банков, финансовое положение России, экономическая политика царского и Временного правительства.⁸

Вполне естественно при этом, что беженцы (в отличие от рабочих и крестьян) как группа очевидно маргинальная и имевшая слабую связь с деятельностью политических организаций и с революционной идеологией и движением не попадали в число объектов исторического исследования, в связи с чем советская историография не формулировала беженство как особую социальную и гуманитарную проблему, а следовательно, и специально не изучала. Показательно, что в итоговом докладе А. Л. Сидорова, В. И. Бовыкина и П. В. Волобуева «Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны», представленном на конференции в связи с

50-летием начала войны, о проблеме российского беженства не было сказано ни слова.⁹

С 1990-х гг. I Мировая война выходит из «тени» Октябрьской революции и вновь приобретает самостоятельное значение. Свидетельством повышения исследовательского интереса к проблемам истории войны явилось учреждение Ассоциации историков I Мировой войны, а также проведение целого ряда «круглых столов» и конференций.¹⁰ Работы этого периода характеризуются значительным расширением тематики исследований. Особое внимание историков начинают привлекать различные социальные аспекты истории войны, ранее совсем не изучавшиеся в отечественной историографии, в том числе проблема беженства.

К настоящему моменту появилась целая серия исследований, основанных на региональных материалах, которые посвящены различным аспектам истории российского беженства I Мировой войны. В содержательном плане, в зависимости от рассматриваемых проблем и сюжетных линий, их можно разделить на несколько групп. К наиболее многочисленной относятся работы, освещающие общие вопросы численности, расселения и помощи разным категориям беженцев, а также проблемы их взаимоотношений с местным населением¹¹ (среди них следует особо выделить труды

⁸ См., например: Сидоров А. Л. Некоторые проблемы российского капитализма в советской исторической науке // *Вопросы истории*. 1961. № 12. С. 26–62; Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М., 1978; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; и др.

⁹ Сидоров А. Л., Бовыкин В. И., Волобуев П. В. Экономические и социальные проблемы Первой мировой войны // *Первая мировая война. 1914–1918* / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1968. С. 179–191.

¹⁰ См.: «Круглый стол». Первая мировая война и ее воздействие на историю XX века // *Новая и новейшая история*. 1994. № 4–5. С. 109–132; Кудрина Ю. В. В Ассоциации историков Первой мировой войны // Там же. 1995. № 3. С. 208–211; Первая мировая война и участие в ней России. (1914–1918): материалы науч. конф. Ч. 1–2. М., 1997; Россия и Первая мировая война: материалы междунар. colloquium. СПб., 1999; и др.

¹¹ См.: Алехин Д. В. Беженство в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы междунар. конф.* Тамбов, 2002. С. 202; Апушкина О. Б., Кривчикова Л. Г. Польские беженцы на территории Рязанской губернии в начале XX века // *Материалы и исследования по рязанскому краеведению: сб. науч. работ. Т. 4.* Рязань, 2003. С. 99–109; Горелов Ю. П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // *Сибирь: XX век: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4.* Кемерово, 2002. С. 66–73; Еремин И. А. Прием и размещение беженцев в Томской губернии в годы Первой мировой войны // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: сб. науч. тр. Кн. 2.* Барнаул, 2003. С. 272–276; Корниенко Т. А. Проблема беженцев на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны // *Северный Кавказ: геополитика, история, культура.* Ставрополь, 2001. С. 10–15; Мартынцева Н. В. Земская помощь беженцам из западных губерний в годы Первой мировой войны (по материалам западных уездов Орловской губернии) // *Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и мате-*

курского историка А. Н. Курцева, одним из первых в современной историографии обратившегося к данной проблематике¹²). К этой же группе можно отнести исследования, где в качестве предмета рассмотрения выступает организационное устройство и деятельность правительственных, общественных и благотворительных организаций, созданных для оказания помощи беженцам в годы войны.¹³ Вторая группа представлена работами, в которых прослеживается судьба беженцев I Мировой войны в первые послереволюционные годы, их взаимодействие с новыми органами власти, изучаются особенности процессов их реэвакуации.¹⁴ Наконец, в последнее время начали по-

риалов. Вып. 5. Брянск, 2003. С. 134–144; Нам И. В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. С. 276–279; Орехова Н. А. Евреи высленцы и беженцы в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: материалы V регион. науч.-практ. конф. Красноярск, 2004. С. 60–67; Тоценко Л. Т. Социальная помощь беженцам в Области войска Донского в годы Первой мировой войны // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 2. С. 44–48; Щетинина А. С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1914–1920-е гг.) // Изв. АлтГУ. 2007. № 4 (2). С. 177–182.

¹² Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии. 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 70–98; Он же. Беженцы Первой мировой войны на территории Центрального Черноземья в 1914–1917 гг. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 80–88; Он же. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопр. истории. 1999. № 8. С. 98–113; Он же. Беженство // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. научн. коллоквиума. СПб., 1999. С. 129–146.

¹³ Ильин А. В. Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 – февраль 1917 г.) // Изв. высш. шк. Сер. Правоведение. 1991. № 5. С. 49–55; Островский Л. К. Деятельность польских общественных организаций Томской губернии по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. 2011. Т. 10, вып. 1: История. С. 74–78; Матвеева Н. Л. Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2004; Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

¹⁴ Бартеле Т., Шалда В. Лагшские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–30; Гавриленков А. Ф. Рославльский уездный Пленбеж (1918–1922 гг.) // Край Смоленский: Знания. Доброта. Культура: Гуманит. науч.-попул., лит.-худож. журн. Смоленск, 2002. С. 17–37; Галаз М. Государственно-институциональная и социальная адаптация репатриантов и реэвакуированных беженцев в России в 1920-е гг. // Власть. 2011. № 4. С. 105–108; Лахарева Н. В. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.) Курск, 2001; Леусян О. А. Беженцы Первой мировой и Гражданской войн в Екатеринодаре (1918–1920 гг.) // Третьи кубан. лит.-ист. чтения. Краснодар, 2001. С. 220–225; Суржикова Н. В. Бельгийские беженцы в России в годы Первой мировой войны: ис-

являться и работы источниковедческого характера, ставящие своей целью выявление и всесторонний анализ потенциальной источниковой базы исследования беженства, определение ее информационной ценности и возможности применения различных методов ее обработки.¹⁵

Общей особенностью отмеченных исследований является то, что большинство авторов избирают в качестве основного направления анализа взгляд «сверху», так что главными действующими лицами оказываются прежде всего правительственные и неправительственные организации и деятели, имевшие прямое или опосредованное отношение к делу помощи беженцам, тогда как сами беженцы в виде некоей практически полностью имперсональной группы отходят на второй план. С одной стороны, такой подход оправдан, поскольку, как убедительно показал П. Гетрелл, беженцы стали «пешками» в политических играх, составляя дополнительный пункт в списке противоречий между государством и «общественной Россией». При этом именно соперничество этих «игроков» в вопросе получения полного контроля за создававшейся системой помощи беженцам вело, в конечном итоге, к изменению восприятия миграций военного периода, превращая движение «самых разнородных элементов» непосредственно в «беженство».¹⁶ Именно вмешательство общественных деятелей, представителей национальной интеллигенции и профессиональных сообществ, использовавших масштабные перемещения населения и проблемы, которые они породили, для легитимации своей гражданской и политической активности, их дискуссии с центральной властью по этому поводу во многом способствовали быстрому конструированию новой социальной категории, не вписывавшейся в систему имевшихся в России того

тория неоконченной истории // Историческая демография: науч. журн. М.; Сыктывкар, 2008. № 2. С. 50–52; Утгоф В. С. Реэвакуация белорусских беженцев Первой мировой войны (начальный этап): структуры, формы, организация // Историк. Историк. История: сб. науч. работ. СПб., 2002. С. 396–416; Чернолуцкая Е. Н. Военнопленные и беженцы Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке и их репатриация // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2000. Вып. 3. С. 137–143; Щеров И. П. Смоленский пленбеж: создание и деятельность (1918–1922 гг.). Смоленск, 2000; Он же. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000.

¹⁵ См.: Щетинина А. С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.

¹⁶ Gatrell P. Op. cit. P. 33.

времени таксономий социального описания, задавали ей определенный набор измерений и смыслов.

Вместе с тем указанная линия анализа требует дополнения в виде взгляда «снизу», т. е. изучения беженства с точки зрения самих беженцев. Каким образом они воспринимали свое положение и предлагавшиеся им стратегии помощи и адаптации в новых условиях? Какие взаимоотношения с местным населением они полагали наиболее приемлемыми? Были ли они способны противопоставить что-либо в ответ на стремление правительственных и неправительственных организаций помощи объединить и унифицировать их в рамках одной категории? Без ответов на эти и другие вопросы, думается, невозможно комплексное исследование проблем массовых перемещений гражданского населения России в годы I Мировой войны.

При рассмотрении географического аспекта исследований по истории беженства выясняется, что современные работы охватывают регионы Центрального и Центрально-Черноземного районов (Курская, Орловская, Тамбовская, Рязанская губернии), Сибири (Томская, Алтайская, Енисейская губернии), Северного Кавказа, Дальнего Востока. Урал, как видим, выпадает из этого перечня, хотя он наряду с перечисленными территориями, также испытал на себе наплыв беженцев.

Уже в середине августа 1915 г. губернатор Пермской губернии обратился с особым объявлением к ее жителям: он сообщил, что региону предстояло «в ближайшее время принять сто тысяч беженцев, направляемых с северо-западного фронта», и призвал население «приготовиться к встрече беженцев, а по прибытии их помочь кто чем может...» С целью регистрации прибывавших в губернию беженцев и распределения их по ее территории при губернском комитете Всероссийского земского союза было создано специальное бюро.¹⁷ Сто тысяч беженцев, ожидавшихся в регионе, было решено распределить по отдельным уездам пропорционально численности населения последних. Так, в Перми и Екатеринбурге с уездами планировалось разместить по 15 тыс. чел., в Верхотурье с уездом — 10 тыс., в Ирбитском уезде — 3 тыс., Камышловском — 8 тыс., Красноуфимском — 5 тыс., Кунгурском — 8 тыс., Осинском — 10 тыс., Оханском — 9 тыс., Со-

ликамском — 7 тыс., Чердынском — 3 тыс. и Шадринском — 11 тыс. чел.¹⁸ К сентябрю 1915 г. в Перми находилось около 2 тыс. беженцев, другие 2 тыс. были отправлены в различные уездные центры — Екатеринбург (708 чел.), Чердынь (472 чел.), Осу (400 чел.), Оханск (160 чел.), Нижний Тагил (105 чел.) и др.¹⁹

Анализ материалов Всероссийской переписи беженцев, проведенной летом 1916 г. Татьянинским комитетом,²⁰ показал, что по состоянию на 1 ноября 1916 г. в пределах Пермской губернии находилось около 29 тыс. беженцев. Очевидно, что, хотя их количество и не достигло ожидаемых ста тысяч человек, реальная численность беженцев в регионе была большей. Далеко не все перемещенные лица с готовностью принимали статус беженцев. Еще Е. З. Волков отмечал, что «мало-мальски обеспеченные группы населения в территориях, подвергавшихся эвакуации, имея возможность не остаться без определенных занятий и крова во внутренних губерниях и тяготясь ограничениями в передвижении, которым подвергались беженцы, решительно отказывались регистрироваться в числе беженцев, не пользуясь регулярной поддержкой патронирующих организаций». Кроме того, свою роль играла и чрезвычайная подвижность «беженской массы», которая осложняла организацию учета, что снижало точность его результатов.²¹

После Октябрьской революции был сделан решительный шаг на пути унификации беженства, развивавший тенденции, наметившиеся еще в дореволюционный период. До Октября 1917 г. оказание помощи беженцам находилось в ведении целого ряда государственных, полугосударственных, общественных, национальных и благотворительных организаций, во многих случаях ориентировавшихся на определенный сегмент беженского населения (прежде всего это относится к разнообразным национальным комитетам, в своей деятельности стремившимся к укреплению чувства единства и идентичности у соответствующих этнических групп), тем самым препятствуя стиранию различий между отдельными категориями беженцев и универсализации бежен-

¹⁸ Там же. 23 авг.

¹⁹ Там же. 20 сент.

²⁰ См.: Регистрация беженцев Особым отделом Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны // Изв. Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны. 1916. № 3. С. 8–12.

²¹ Волков Е. З. Указ. соч. С. 69, 70.

¹⁷ Пермская земская неделя. 1915. 16 авг.

ства. Молодое советское государство с первых дней существования недвусмысленно заявило о стремлении поставить все миграционные потоки под свой контроль. 23 апреля 1918 г. с целью координации действий и руководства всеми вопросами, касающимися перемещения лиц, была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центрпленбеж).²² Как видно из названия, в ее целевой контингент попали не только беженцы, но и военнопленные I Мировой войны. Чуть позже к ним также были добавлены другие мигранты (беженцы Гражданской войны, переселенцы «обратники» и т. д.). Данное обстоятельство означало ликвидацию сохранявшихся (а иногда и специально культивировавшихся) различий между отдельными группами беженцев, объединенными сейчас как «беженцы империалистической войны», которые оказались, в свою очередь, лишь частью более крупной категории населения Советской России, переданной в компетенцию Центральной коллегии.

Представленные ниже документы датируются началом 1920-х гг., когда вопросы реэва-

куации беженцев I Мировой войны составляли одну из главных задач в деятельности Центрпленбежа и ее преемников. С точки зрения видовой принадлежности большую часть публикуемых документов можно отнести к категории эго-документов, представляющих собой, по определению Р. Деккера, «личные тексты», «в которых авторы пишут о своих делах, опыте, мыслях и чувствах».²³ Они позволяют открыть доступ к ранее «молчаливым» группам людей, в том числе к беженцам. Но, помимо судебных отдельных беженцев, данные документы также наглядно демонстрируют и особенности социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе и стране в целом в первые послереволюционные годы.

Публикуемые документы выявлены в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО).²⁴ Документы расположены в хронологическом порядке. Тексты публикуются с сохранением стилистики оригиналов, в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации; сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Документы и комментарии

Документ № 1. Прошение беженцев из Гродненской и Минской губерний на имя председателя Совнаркома РСФСР В. И. Ленина, не ранее 14 мая 1920 г., г. Камышлов Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

Председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину

Прошение

Граждане Гродненской и Минской губ[ерний] решили обратиться с величайшей просьбой к председателю Совета Народных Комиссаров т. Ленину о выдаче разрешения на право выезда на родину в вышеназванные губернии, так как граждане беженцы названных губерний, находившиеся в пределах далекой и холодной Сибири, в течение пяти годов не имея никакого приюта, влачат жалкое существование. Мы слышали, как наши братья рабочие и крестьяне поднимают красное знамя труда над нашей родной землей. Мы находимся в Сибири и, не имея возможности пробраться на родину, чтобы строить на родной земле новую и свободную жизнь, убедительно просим товарища Председателя не отказать в нашей просьбе. Вышеназванные граждане, проживающие в гор[оде] Камышлове Екатеринбургской губернии, в чем и подписуемся

И. Стрешков, Степан Стельмах, Захар Стельмашук, Роман Илюсек, Степанович Артемий, Яков Вайтюк, Роман Букта, Петр Стельмашук⁴⁾, Александр Ковардей, Трофим Корзан, Павел Зуднюк, Федор Золинский, Антон Швед, Павле Казак, [...] ⁵⁾, Бортничук Лука, Гутак Стефан, Якоцик Даниил, Баран Тадеуш, Якоцюк Семен, Федор Якоцюк, Григорий Корзан, Михаил Коцюба, Виктор Антонюк, Иван Василевский, Хомич Лаврентий, Матвей Семенюк, Иван Сидоренко, Яков Старченко¹.

²³ Зарецкий Ю. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // РГГУ.РУ Российский государственный гуманитарный университет: <http://visantrop.rsu.ru/article.html?id=1167089>.

²⁴ Автор выражает благодарность Н. В. Суржиковой за помощь, оказанную в выявлении и отборе документов.

²² См.: Декреты Советской власти. Т. 2. 18 марта–10 июля 1918 г. М., 1959. С. 166, 167.

Верно [подпись неразборчиво]⁶⁾

ГАСО. Ф. р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 15. Рукопись. Копия с копии.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по другим документам дела.

³⁾ Место указывается по документу.

⁴⁾ Слова И. Стрешков, Степан Стельмах, Захар Стельмашук, Роман Илюсек, Степанович Артемий, Яков Вайтюк, Роман Букта, Петр Стельмашук подчеркнуты простым карандашом.

⁵⁾ Фамилия и имя неразборчиво.

⁶⁾ Перед подписью стоит штамп с надписью Делопроизводитель.

Комментарии

¹ В сентябре 1920 г. эта же группа беженцев отправила на имя В. И. Ленина новое прошение о возвращении на родину. Однако и эта просьба осталась без удовлетворения по причине войны с Польшей. (См.: ГАСО. Ф. р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 99, 100.)

Документ № 2. Письмо беженца из Гродненской губернии И. С. Попкова, не ранее 14 мая 1920 г., д. Больше-Ефимово Камышловского уезда Екатеринбургской губернии^{1),2),3)}

От гражданина беженца Иустина Степановича ПОПКОВА Гродненской губ[ернии] Волковыского уезда Зельвянской волости дер. Бородичи

Прошу я вас, товарищи граждане Р.С.Ф.И. Совета⁴⁾, мы, беженцы, проживающие в Екатеринбургской губ[ернии] Камышловском уезде Внов-Юрмытской волости⁵⁾ в дер. Болшо-Ефаново⁴⁾, пострадавши от германской войны¹⁾, так как нам сейчас жить очень тяжело, потому что мы остались голодны и холодны, за 5 годов какая была у нас одежда и обувь, все изнашивается, и денег нету ни копейки, так что нам сейчас пришло тяжелое наше положение. Общество, в котором мы сейчас живем, нас заставляет нести ту же повинность, что мы остались, каждому известно, голодны и холодны, у нас одежды-обуви нету, а свое мы имущество оставили на своей родине. Просим мы вас, товарищи, [сообщить,] когда Вы нас отправите на родные места, или еще долго, потому что мы из силы выбились, и общество Болшо-Ефановское не дает нам казенной земли для обработки посева хлеба. Мы спрашивали общества земли казенной посеять для себя хлеба, то нам общество, в котором живем, сказало «нету вам земли, а иди [к] крестьянину работай за кусок хлеба», то прошу я вас, товарищи, разъяснить нам подробно, нам дано равноправие, а нам общество разве не вправе не дать казенной земли, или же вправе мы, беженцы, если захочешь высказаться где-нибудь на собрании, что-нибудь докладывать, то нам общество наперво ответит, что вы, беженцы, не имеете права голоса, прямо вовсе занищают⁴⁾ нас, беженцев, местные жители. Еще мы вас, товарищи Центральный Исполнительный Совет⁴⁾, просим, разъясните нам нашу просьбу и отправьте нас, беженцев, на свои родимые места, потому что мы уже 5 годов из сил выбились, и еще просим вас, товарищи, может нас, беженцев, обеспечили бы чем-нибудь одежей и обувью и чем-нибудь [еще], потому что мы из сил выбились, прошу я вас, товарищи, дайте нам ответ, причем⁶⁾ скорее, на это наше заявление, за что будем благодарить. Прошу, товарищи, дайте нам ответ, причем скорее, на наше это заявление.

Адрес: [в] Екатеринбургскую губ[ернию] Камышловского уезда Внов-Юрмытскую волость дер. Болшо-Ефремово⁴⁾ беженцу Иустину Степановичу Попкову

С подлинным верно:

Начальник Отделения [подпись неразборчиво]²⁾

ГАСО. Ф. р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 19. Машинопись. Копия.

¹⁾ Заголовок редактора.

- ²⁾ Датируется по другим документам дела.
³⁾ Место указывается по документу.
⁴⁾ Так в документе.
⁵⁾ Так в документе. Должно быть Вновь-Юрмытской.
⁶⁾ Здесь и далее исправлено по смыслу. В документе чем.

Комментарии

¹ Здесь и далее имеется в виду I Мировая война.

² Ситуация, описываемая в документе, была типичной. К началу 1920-х гг. беженцы устроили и без того сложное социально-экономическое положение в регионе, что вызывало неудовольствие как местных жителей, так и местных властей. Так, в сентябре 1921 г. в Екатеринбургское губернское управление по эвакуации населения (Губэвак) поступила телеграмма следующего содержания: «В-Уфалейский исполнительный комитет настоящим доводит до Вашего сведения, что... в связи с продовольственным кризисом продовольственное положение беженцев катастрофическое, наблюдаются случаи вымирания от голода. А потому Волисполком просит Вашего разрешения об отправке беженцев на родину, желательно бы в кратчайший срок, ибо таковыми ежедневно осаждаются исполком с просьбой об отправке их на родину» (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 40). 13 февраля 1922 г. власти Каменского уезда телеграфировали: «Положение беженцев катастрофическое, которые осаждают от голода, помощи оказать не можем, а потому отправляем [их в] распоряжение Губэвака» (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 39. Л. 3).

Документ № 3. Письмо Екатеринбургского губернского управления по эвакуации населения в Камышловское уездное управление по эвакуации населения, 14 мая 1920 г., г. Екатеринбург^{1),2),3)}

РСФСР
 Екатеринбургское
 губернское управление
 по эвакуации населения¹⁾
 Отделение Секретариат
 14 мая 1920 г. № 1325⁴⁾
 Екатеринбург Телефон № 772⁵⁾

В КАМЫШЛОВСКИЙ УЕЗДЭВАК²⁾

Екатеринбургское Губернское Управление по Эвакуации Населения при сем препровождает заявление беженцев, посланное в Центр, проживающих в Вашем Уезде, для ответа таковым о том, что в настоящее время никакой отправки беженцев нет как на Юг, так и на Запад до особого распоряжения из Центра,³⁾ и препроводить по адресу: Вновь-Юрмытская⁶⁾ волость дер. Больше-Ефимова беженцу ПОПКОВУ ИУСТИНУ Степанову.

Начальник управления [подпись неразборчиво]
 Секретарь [подпись неразборчиво]

ГАСО. Ф. р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 16. Машинопись. Подлинник.

- ¹⁾ Заголовок редактора.
²⁾ Датируется по документу.
³⁾ Место указывается по документу.
⁴⁾ Название отделения, дата и исходящий номер вписаны от руки в штамп учреждения.
⁵⁾ Поверх текста документа черными чернилами наложена виза Для исполн[ения] 17/V-20 г. [подпись неразборчиво].
⁶⁾ Так в документе. Должно быть Вновь-Юрмытская.

Комментарии

¹ Екатеринбургское губернское управление по эвакуации населения (Губэвак) являлось подразделением Центрального управления по эвакуации населения (Центрэвак). Центроэвак был создан постановлением коллегии НКВД от 26 февраля 1920 г. взамен Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, учрежденной в составе Народного ко-

миссариата по военным делам декретом СНК РСФСР от 27 апреля 1918 г. По состоянию на апрель 1921 г. Губэвак состоял из 7 отделений (общего (секретариат), административного, эвакуационно-учетного, снабжения и продовольствия, санитарного, финансового, хозяйственного) и согласно штатному расписанию включал 93 работников. Уездную сеть Губэвака составляли 3 уездных управления (Шадринское, Камышловское и Красноуфимское), а также 6 уполномоченных в Каменске, Верхотурье, Ирбите, Нижнем Тагиле, Надеждинске и Алапаевске. Помимо того, в структуру Губэвака входили «врачебно-питательные» (Ирбит, Гороблагодатская, Верхотурье, Егоршино, Шадринск), обсервационно-продовольственные пункты (Алапаевск, Камышлов, Уфалей) и другие учреждения. По официальным данным, к лету 1921 г. в районе ведения Губэвака было зарегистрировано 66 725 пленных и беженцев. (См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 363. Л. 5, 5об., 15, 15об.)

² Уездэвак — уездное управление по эвакуации населения.

³ Отправка беженцев на родину была задержана по причине «военных действий и расстройств транспорта» (приказ Центроэвака № 807 от 7 февраля 1920 г.). (См.: ГАСО. Ф. р-1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.)

Документ № 4. Письмо польских беженцев и военнопленных I Мировой войны начальнику Екатеринбургского губернского управления по эвакуации населения Антонову¹ с просьбой о проведении их регистрации с целью последующей отправки на родину, 23 сентября 1921 г., Надеждинский завод Надеждинского уезда Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}

Мы, нижеподписавшиеся поляки беженцы и военнопленные Империалистической войны, обращаемся к Вам с просьбой о содействии и возможном ускорении нашей отправки на родину. Из газет мы узнали, что в сентябре месяце отходит из Екатеринбурга эшелон в Польшу, но никакой регистрации по этому поводу в Надеждинском уезде пока не производилось. Работая в самом северном заводе Урала, мы находимся в весьма тяжелом продовольственном и топливном положении, а посему нам необходимо выехать до наступления зимы, что освободит известное число пайков и квартир.

Беспокоить вас решились после разговора с Надеждинским уполномоченным Губэвака, который оказался очень малокомпетентным в интересующем нас вопросе отправки на родину.

Покорнейше просим известить нас, когда будут отбираться и посылаться на наложение визы наши документы, а затем когда наступит очередь отправки польских беженцев из Надеждинского уезда, по адресу: Надеждинский завод², Екатеринбургской губернии, Уездное бюро профсоюзов, Игнатию Ивановичу Турнель³.

[порядка 10 подписей ниже]

ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 64. Рукопись. Подлинник.

¹ Заголовок редактора.

² Датируется по документу.

³ Место приводится по документу.

Комментарии

¹ Антонов, Павел Мефодьевич, 1899 г. р., образование — 2 класса городского училища. Свою работу в системе «Пленбежа» / «Эвака» начинал в качестве конторщика Камышловского уездного управления по делам пленных и беженцев, в декабре 1919 г. он возглавил его хозяйственный и эвакуационный подотдел, затем — уездный пленбеж. Впоследствии был переведен на должность заместителя начальника Екатеринбургского губэвака, работу которого он возглавил в 1921 г. (См.: ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–5; Ф. р-1159. Оп. 1. Д. 7. Л. 118; Д. 8. Л. 114об.; Д. 14. Л. 2, 5.)

² Надеждинский чугуноплавильный, сталеплавильный, железоделательный и рельсопрокатный завод — крупнейшее металлургическое предприятие на Северном Урале, построенное на рубеже XIX–XX вв.

³ Поступивший из Екатеринбургского губэвака ответ на данное обращение гласил: «Документы сдайте Надеждинскому уполномоченному по эвакуации населения. Он их препроводит в Губэвак, а Губэвак — в Центрэвак. По возвращении из Москвы и получении наряда на вагоны последует отправка на родину» (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 71).

**Документ № 5. Заявление беженца Н. Михалевича, уроженца
Минской губернии, на имя начальника Екатеринбургского
управления по эвакуации населения, 7 декабря 1921 г., Шайтанский завод
Екатеринбургского уезда Екатеринбургской губернии^{1),2),3)}**

Начальнику Екатеринбургского «Губэвака» по эвакуации населения⁴⁾
Гражданина Шацкой волости Игуменского уезда Минской губернии⁵⁾, дер. Веркалы,
временно проживающего в Шайтанском заводе¹ Екатеринбург[ской] губерн[ии] и уезда
Михалевиц Николая⁶⁾

Заявление

В Шайтанском заводе Екатеринбургской губ[ернии] и уезда временно проживает мое семейство как беженцы империалистической войны 1914–1917 гг., состоящее из отца 71 года, матери 57 лет, нетрудоспособной сестры 32 лет и сестры 17 лет, месту постоянного жительства в Минскую губернию⁷⁾. Семейство же мое одно проживает на Урале, не имеет средств, я также здесь заняться никак не могу, так как моя профессия хлебопашество, а потому и желательно⁸⁾ заняться хлебопашеством и с наступлением посевного сезона желательно бы засеять поля, каковые у нас засеваются в скором времени. По справкам в эвакуационном отделе мне сказали подать на Ваше имя заявление, каковое с Вашей резолюцией пошлется в Губисполком, Укрисполком⁹⁾ и Земисполком¹⁰⁾ для запроса, не встречается ли с их стороны препятствий к выезду моего семейства на родину, с наложением же резолюции Вашей на моем заявлении мне хотелось бы лично исходатайствовать требуемые удостоверения от исполкома, т. к. в настоящее время почта функционирует тихо, а нам необходимо быть на родине ко времени посева.

А потому прошу Вашего распоряжения о выдаче пропуска моему семейству для проезда на родину до ст. «Руденск» Либаролинской ж[елезной] д[ороги]^{11), 2} и разрешить мне лично исходатайствовать от исполкомов требуемых удостоверений.

Гражданин Н. Михалевиц

ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 27. Л. 189–189 об. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ Сбоку от руки вписано: Михалевиц: Люциан Александрович, Анна Григорьевна, Юлия и Лидия, Николай.

⁵⁾ Слова Шацкой волости Игуменского уезда Минской губернии подчеркнуты синим карандашом.

⁶⁾ Сбоку от руки вписано: Исполнено За № 3817 7/ХП-21 г.

⁷⁾ Так в документе.

⁸⁾ Снизу от руки синим карандашом вписано: Табаку нет.

⁹⁾ Так в документе. Должно быть Уисполком (уездный исполнительный комитет).

¹⁰⁾ Так в документе. Должно быть Волисполком (волостной исполнительный комитет).

¹¹⁾ Так в документе. Имеется в виду Либаво-Роменская железная дорога.

Комментарии

¹ Вероятно, имеется в виду Шайтанский чугуноплавильный и железоделательный завод — старейшее металлургическое предприятие Среднего Урала, основанное в первой трети XVIII в.

² Либаво-Роменская железная дорога — железнодорожная линия в Российской империи, которая соединяла порты на Балтике с левобережной Украиной. Образована в 1876 г. путем присоединения Либаво-Кошедарской дороги к Ландварово-Роменской железной дороге.

**Документ № 6. Письмо беженки из Витебской губернии Ю.В. Калека
в Екатеринбургский губернский отдел управления
с просьбой об отправке на родину, 14 сентября 1922 г.,
Нижнетагильский уезд Екатеринбургской губернии^{1), 2), 3)}**

Губотуправу¹
г. Екатеринбург
От беженки Витебской губернии,
Полоцкого уезда, Вороновской [волости]⁴⁾
Юлии Васильевны Калека

Ввиду империалистической войны в 1915 г. по занятии города Ковно² мне с мужем и двумя детьми пришлось по распоряжению местного начальства эвакуироваться, и остановились мы в городе Н[ижнем] Тагиле, где в 1917 г. муж мой умер и я осталась со своими детьми без всякого источника средств к существованию, в настоящее время живя в деревне около Краснопольской волости Н[ижне]Тагильского уезда, зарабатывая самое незначительное количество продовольствия, которого едва хватает на просуществование одному, но не втроем, да и при том же в связи с окончанием сезона полевых работ заработать и то, что я зарабатывала, не придется и оставаться без куска хлеба, без одежды с двумя детьми никак не мыслю, уехать на родину в Витебскую губернию не имею совершенно средств, по последнему же распоряжению Линпункта³ все белорусы могут выехать на родину за наличный расчет, что я ни в коем случае не могу, не имея абсолютно для этой цели средств.

Документы мои и списки для отправки меня на родину были отправлены еще в 1921 г., но результатов не получено и до сих пор, а поэтому моя убедительнейшая просьба, не найдете ли возможным отправить меня на родину за счет государства, т. к., не имея мужа, имея двух малолетних детей 12 и 8 лет, я не могу оставаться здесь, в то время как на родине я могу просуществовать, а потому надеюсь, что Губотуправ учтет мое безвыходное тяжелое положение и найдет исход отправки меня на родину.

За неграмотную по ее личной просьбе расписалась [подпись неразборчиво]

ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 40. Л. 35. Машинопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ Так в документе.

Комментарии

¹ Губотуправ — отдел управления исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

² Город Ковно (совр. Каунас) был оккупирован немецкими войсками в августе 1915 г.

³ Базисные и линейные пункты — административные и хозяйственные единицы, созданные по приказу НКВД № 757 от 20 декабря 1921 г. взамен ликвидированных губернских и уездных управлений по эвакуации населения. Подчинялись непосредственно НКВД. Базисный пункт ведал «управлением и снабжением линейных пунктов, расположенных на и приписанных к нему железных дорогах или водных участках». Линейные пункты, обслуживавшие «перевозимые контингенты в отношении жилищном, санитарном, справочно-информационном и в отношении снабжения всеми видами довольствия», имели в своем составе «следующие части (учреждения): а) приемник, б) баня, в) прачечная, г) амбулатория с изолятором, д) дезотряд, е) столовая с кухней, ж) склады, з) обоз и и) канцелярию». В соответствии с приказом НКВД, на Урале базисным пунктом был назначен Челябинск, в то время как линейные пункты располагались в Челябинске, Екатеринбурге, Перми и Вятке (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 7. Л. 30об, 31, 35).

**Документ № 7. Ответ эвакуостола¹ Екатеринбургского губернского отдела
управления на письмо беженки Ю. В. Калека, 28 сентября 1922 г.,
г. Екатеринбург^{1),2),3),4)}**

В Н[ижне]Тагильский Уотуправ²

На заявление беженки Калека Юлии эваку[о]стол Губотуправа сообщает, что документы ея Линпунктом не получены и удовлетворить ея просьбу об отправке ее на родину за счет государства Линпункт не может, т.к. Вороновецкая⁵⁾ волость Полоцкого у[ез]да Витебской губ[ернии] отошла к Советской России и отправка туда должна⁶⁾ произойти за свой собственный счет.

Зав. эвакуостолом Замначлинпункта [подпись неразборчиво.]
Регистратор [подпись неразборчиво]

ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 40. Л. 30. Рукопись. Подлинник.

¹⁾ Заголовок редактора.

²⁾ Датируется по документу.

³⁾ Место приводится по документу.

⁴⁾ В верхнем левом углу документа штамп Екатеринбургского линейного пункта.

⁵⁾ Так в документе.

⁶⁾ Слово должна вписано сверху.

Комментарии

¹ Эвакуостолы были созданы в соответствии с приказом НКВД № 757 от 20 декабря 1921 г., который, в частности, гласил: «В двухнедельный со дня получения на месте настоящего приказа срок ликвидировать все существующие ныне губернские и уездные управления по эвакуации населения с подведомственными им учреждениями и пунктами, взамен коих организовать базисные и линейные пункты и эвакуационные столы административных подотделов Отдела управления Губисполкомов... Функции губернских и уездных управлений по эвакуации населения в отношении регистрации граждан, подлежащих репатриации, составления эшелонных на них списков и выдачи соответствующих документов возлагаются: в губернии на эвакуационные столы административных подотделов Отделов управления Губисполкомов, в уездах — на административные подотделы Уездисполкомов...». Помимо Екатеринбурга, эвакуостолы на Урале были организованы в Вятке, Оренбурге, Перми, Челябинске и Тюмени (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 7. Л. 30, 36).

² Уотуправ — отдел управления исполнительного комитета уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

**Документ № 8. Письмо беженца из Латвии П. Ю. Мендиана заведующему
Екатеринбургским губернным управлением по эвакуации населения
с просьбой об отправке на родину, 28 ноября 1922 г., г. Ирбит
Екатеринбургской губернии^{1),2),3)}**

Заведующему Губэвакуам
Мендиан Петр Юрьевич
ул. Карла Маркса, № 60
г. Ирбит⁴⁾

15 ноября с. г. я лично справлялся в Ек[атерин]б[ургском] Губ[ернском] Эваке¹, когда пойдет эшелон с латвийскими беженцами в Москву и зачислен ли я в очередной эшелон. Мне было сообщено, что эшелон пойдет приблизительно через 2 недели, считая от 15 ноября, и что отношение о том, что я зачислен в очередной эшелон, послано из Губэвака в Ирбитский Уисполком². Но в Ирбитском Уисполкоме до сих пор ничего не получено, кро-

ме приказа НарКомВнутДел по Центрэваку за № 137/930 от 21/X-[19]22 г. при № 9054/а от П/XI-[19]22 г. Адм[инистративному] отд[елу] Губисполкома³ о регистрации всех беженцев Латвии в 2-недельный срок. Опасаясь быть оставленным, я зарегистрировался при Уисполкоме.

Мендиан Петр Юрьевич

ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 49. Рукопись. Подлинник.

¹ Заголовок редактора.

² Датируется по документу.

³ Место приводится по документу.

⁴ В верхнем левом углу документа виза: Эвакостолу дать ответ по существу 4/XII-22 г. [подпись неразборчиво]

Комментарии

¹ Имеется в виду Екатеринбургское губернское управление по эвакуации населения.

² Уисполком (исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) — высший орган власти на территории уезда в периоды между уездными съездами Советов. Избирался уездными съездами Советов. Осуществлял руководство всеми отраслями народного хозяйства, государственного и культурного строительства в уезде. Подчинялся губернскому исполнительному комитету (губисполкому).

³ Губисполком (исполнительный комитет губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) — высший орган власти на территории губернии в периоды между губернскими съездами Советов. Избирался губернскими съездами Советов. Осуществлял управление и руководство органами промышленности, сельского хозяйства, финансов, народного просвещения, здравоохранения и культуры в губернии. Губернские и уездные исполнительные комитеты на Урале были упразднены в связи с созданием Уральской области (постановление ВЦИК от 3 ноября 1923 г.), в которую вошла территория Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний.

Документ № 9. Ответ административного подотдела Екатеринбургского губотуправа Ирбитскому уисполкому по запросу П. Ю. Мендиана, не ранее 28 ноября 1922 г., г. Екатеринбург^{1),2),3)}

Ирбитский Уисполком

Эвакостол Административного подотдела Екатеринбургского Губотуправа просит сообщить беженцу Латвии Петру Юрьевичу Мендиану, проживающему в городе Ирбит по улице Карла Маркса № 60, что Екатеринбургским Госполитуправлением не встречается препятствий к его выезду из России в Латвию и поэтому он может готовиться к отправке, которая в скором времени будет произведена. О дне отправки Эвакостол сообщит особо¹.

Зав. эвакостолом Экельбаум [подпись отсутствует]

Верно: Регистратор Кругляшева [подпись отсутствует]

ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 48. Рукопись. Копия.

¹ Заголовок редактора.

² Датируется по документу.

³ Место приводится по документу.

Комментарии

¹ Отправка беженцев на родину осуществлялась по получении ими так называемых экстренных отзывов, которые давали право посадки в соответствующие эшелоны. Однако выехать на родину в 1922 г. П. Ю. Мендиану не удалось. В декабре эвакостол Екатеринбургского губотуправа сообщил в Ирбитский уисполком, что «документы, увезенные представителем Ек[атерин]б[ургского] Губотуправа в Москву для наложения на них визы

соответствующих консульств, обратно еще не привезены и находятся в настоящее время в Москве» (ГАСО. Ф. р-1646. Оп. 1. Д. 42. Л. 50). Отправка беженцев Латвии на родину затянулась, как минимум, еще на год, что косвенно подтверждается постановлением Екатеринбургского губисполкома № 152 от 27 октября 1923 г. об обязательной перерегистрации всех иностранцев, находившихся в губернии. Перерегистрация должна была проходить в уездных отделах управления или волисполкомах, а в Екатеринбурге и Верх-Исетском заводе — в Иностранном отделении губернского отдела управления. Регистрация планировалась по двум спискам: 1) те, кто хочет восстановить свое старое гражданство, 2) те, кто хочет остаться в России, т. е. сменить гражданство. (См.: ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 352. Л. 43; Д. 386. Л. 11, 12, 16–17.)